

мыслам. На заработки отправлялись целыми артелями, преимущественно в многоземельные казачьи станицы Дона, Кубани и Ставрополя. В хорошие годы сезонные заработки там заметно превосходили денежные доходы среднего крестьянина, остававшегося трудиться на своём наделе в родной губернии.

Новые виды заработков самым серьёзным образом отражались на быте и на социальной психологии воронежской деревни. Быстро расширялись контакты крестьянства с окружающим миром, а дополнительные ресурсы давали возможность хотя бы частично удовлетворять новые потребности. Наблюдатели отмечали, что в сёлах с большой долей отходников в лучшую сторону менялся облик зданий, шире распространялась грамотность, выше становились материальные запросы крестьянства. Но при этом социальная мобильность резко возрастала, что быстро расшатывало все привычные устои крестьянского общества. «Теперь, иронизируют крестьяне, в светлой хате сын хватит по уху отца, а прежде этого не бывало», — подмечал всё тот же Щербина.

Однако большинство воронежских крестьян пыталось восполнить дефицит ресурсов привычными методами земельной экспансии. Во второй половине XIX столетия велась интенсивная распашка выгонов, лесных угодий, лугов, сенокосов. За три десятка лет после отмены крепостного права пашня в губернии увеличилась почти на 400 тысяч десятин, или на 10 процентов, а население выросло за эти годы почти на 40 процентов. Размеры распаханых угодий стали превышать все разумные пределы. Сильное сокращение лесных и пойменных ресурсов обернулось ухудшением экологической обстановки. Земледельцы, отмечал в 1893 году Щербина, «всюду почти в один голос показывали, что урожаи за последние годы понизились, что земля ухудшилась, что степей и лугов стало несоразмерно с другими угодьями меньше, что леса подверглись сильным истреблениям под влиянием непомерных запашек, что погода изменилась к худшему: ветра стали дуть чаще и порывистее, дожди выпадали внезапно, в виде разрушительных ливней на небольших пространствах, а не тихих обложных дождей, как это было в старину, обильные мокрые туманы перестали появляться, а наоборот участились сухие туманы, мгла, реки обмелели и засорились»⁵. Отмеченный факт сугубо потребительского отношения к природе сомнений ни у кого не вызывал и объяснялся чрезмерным давлением экстенсивных методов хозяйствования на среду обитания.

Общинное владение земельными угодьями к концу XIX века полностью подтвердило опасения тех реформаторов, которые ещё во время подготовки крестьянского

освобождения предсказывали грядущую угрозу хозяйственному прогрессу в русской деревне. Конечно, вспоминал один из местных администраторов той поры, нашим «самобытникам» дороги круговая порука и уравнильные переделы. Но община поглощала личное право и личную ответственность крестьянина, при этом «общинное владение влечёт за собой неизбежно, по-видимому, полный застой в хозяйственной культуре: ни травосеяния, ни хорошего выгона, ни правильного унавоживания — никакого улучшения община не допускает»⁶. Общинный строй был неразрывно связан с господством патриархальных отношений в труде и в семейном быту. «Нигде, — отмечал тот же очевидец, — вы не увидите такого царства насилия, как в крестьянской семье, и это некоторыми называется патриархальным бытом. Всё это работает до изнеможения, пьёт иногда до беспамятства, ест впроголодь». В. И. Гурко, один из отцов новой аграрной политики, имел все основания утверждать, что община «принуждает своих членов равняться не по уровню знаний и предприимчивости наиболее развитых и энергичных своих членов, а наоборот, поневоле остаётся в области земледелия на уровне наименее знающих и несмышлёных»⁷. Община могла относительно устойчиво функционировать только при наличии земельного простора, позволявшего использовать трёхпольную систему возделывания пашни, исчерпанность же земельных ресурсов неизбежно делала общину всё более агрессивной, причём главным образом по отношению к частной собственности и к личной инициативе. Революционные потрясения начала XX столетия наглядно продемонстрировали, какой грозный потенциал социального взрыва таится в русской поземельной общине.

Открытый указом 9 ноября 1906 года и другими мерами столыпинского правительства курс на индивидуализацию крестьянской земельной собственности должен был дать простор хозяйственной самостоятельности в деревне, ускорить переход к интенсивным формам земледелия на основе достижений современной агрикультуры и использования современной техники. В Воронежской губернии нашлось немало энтузиастов новой политики. Перестройкой аграрных отношений энергично занимались члены землеустроительных комиссий, местная администрация, земские учреждения. Широкую просветительскую работу в деревне развернули десятки правительственных и земских инспекторов, агрономов, ветеринаров и других специалистов сельского хозяйства.

Новое дело продвигалось с большим трудом. Многовековые привычки с трудом подвергались ломке. Община была хорошо

знакома, агрономы же звали к неизведанной жизни. И всё-таки реформы продвигались вперёд.

Как и предполагали организаторы преобразований, некоторые крестьяне молодых и средних возрастов (от 20 до 30% домохозяев) психологически были готовы перейти к новым принципам. Сторонники новой политики, безусловно, учитывали возросшую мобильность сельского населения и крепнувшие желания предприимчивых крестьян освободиться от оков общинной регламентации. Социальные последствия преобразований заслуживают отдельного исследования. Здесь же стоит отметить, что из 400 тысяч крестьянских дворов Воронежской губернии хозяева примерно 135 тысяч изъявили к 1915 году желание выйти из общины и закрепить причитающиеся наделы в собственности. Ещё несколько десятков тысяч домохозяев, живших в общинах, в которых не было коренных переделов земли со времени падения крепостного права, были по закону 1911 года объявлены наследственными владельцами находившихся в их распоряжении наделов земли. Таким образом, не менее половины всех воронежских хозяйств к началу Первой мировой войны втянулись в процесс нового землеустройства.

Не забудем, что перестройка аграрных отношений в губернии, как и в России в целом, только начиналась. Как полагал сам Столыпин, аграрную проблему в России нельзя было *решить*, но её надо было *решать*. По расчётам правительства, перестройка аграрных отношений должна была в основном завершиться только к середине 1930-х годов, поэтому разговоры о полном успехе или, наоборот, о крахе реформ в данном случае представляются некорректными.

Тем не менее экономические показатели воронежской деревни могли обнадежить сторонников мирного обновления народной жизни. Прежде всего выяснилось, что перешедшие к индивидуальному землевладению крестьяне стали гораздо более внимательно относиться к пропаганде культурных и рациональных приёмов обработки почвы. Если общинники, как правило, с недоверием относились к советам неожиданно появившихся в деревне агрономов и предпочитали держаться традиционной сохи и трёхполья, то самостоятельные хозяева проявляли живой интерес к новшествам. Так, в селе Папасном Богучарского уезда земский агроном устроил показательное поле на земле одного из крестьян, недавно покинувших общину. На второй год это поле дало доход в полтора раза больший, чем соседние. «Это получилось оттого, — сообщали специалисты, — что агроном научил хозяина этого поля правильно разрабатывать и засеивать землю, правильно распределять на ней